

НЕОКОНЧЕННЫЙ ТРУД ФУКИДИДА

Д. В. ПАНЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет

НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)

dmpanchenko@mail.ru

DMITRI PANCHENKO

Saint Petersburg State University; Higher School of Economics (Saint Petersburg)

UNFINISHED WORK OF THUCYDIDES

ABSTRACT. Thucydides' statement that he described the entire war up to the surrender of Athens (V, 26, 1) must be taken in strict accordance with his words. On the whole, his work was completed; all that remained was to fix, supplement, decorate. The fact that in the published version the text breaks off at the presentation of the events of 411 is due to the following circumstances. During his stay in Athens, where he returned in the early summer of 404 after almost twenty years of exile, Thucydides introduced individual parts of his work to those who wish. There was a rumor about the work of Thucydides. The attention of Lysander's friends and henchmen was attracted by the presence in the work of detailed information about the establishment in Greek cities of political clientele, who were much more dependent on Lysander than on the Spartan state. The kings and other persons in the Spartan government, pushed into the background by Lysander, saw these actions of Lysander as the basis for the gradually carried out coup d'état by him. Authoritative information about the clientele founded by Lysander could pose a great danger to his career. Meanwhile, Thucydides, for some reason, returned to his Thracian possessions. Lysander went there too. In the fall of 404, Thucydides was murdered, and the manuscript of his work was stolen. Everything that seriously compromised Lysander was removed from it; the rest was saved and taken to Sparta. In the spring of 395, Lysander died in a battle. In the fall of 394, Agesilaus, who had returned to Sparta from Asia, searched the house of Lysander in order to find materials revealing that he was preparing a coup d'état. Along with the planted fake, books of the history of Thucydides were also discovered. After making sure that they did not contain anything fundamentally harmful to Spartan politics, Agesilaus handed the manuscript to Xenophon, an officer of his army, an Athenian exile and a credible writer. Xenophon published the intact part of the manuscript as it was, without editing it. The materials of the damaged part formed the basis of the first two books of his *Hellenica*.

KEYWORDS: Thucydides, textual criticism, Peloponnesian war, Athens, Sparta, Lysander, Alcibiades, Xenophon, Agesilaus, Greek history, Greek historiography, Greek literature.

Для очень многих, как и для автора этих строк, Фукидид является величайшим историком древности. Тщательное изучение его труда идет, по меньшей мере, с середины XIX века; выпущены образцовые многотомные комментарии; новые публикации появляются ежегодно. При изобилии научных споров по отдельным вопросам основные представления, касающиеся труда Фукидида, являются почти единодушно признанными: (1) смерть застала историка во время работы над изложением событий осени 411 г.; описать события последних шести с половиной лет войны он не успел; (2) по той же причине он не успел осуществить систематическую правку всего текста; (3) об обстоятельствах смерти Фукидида достоверно ничего не известно. Из этих трех пунктов второй здесь обсуждаться не будет; я принимаю его обоснованность, солидаризуясь при этом с теми, кто склонен ограничиваться скорее короткими, нежели длинными списками промахов и непоследовательностей в дошедшем до нас тексте. Трудность суждения об обстоятельствах смерти Фукидида я считаю преувеличенной, а принятые представления о степени назавершенности его труда – практически невозможными.

1

В сочинении Фукидида два предисловия – одно в самом начале, другое – в V книге, после завершения повествования о первом этапе войны. Объяснив, что мир, заключенный по окончании десятилетней войны, на деле оказался лишь ненадежным перемирием, за которым вновь последовали открытые боевые действия (V, 25), автор заявляет буквально следующее: «Тот же самый Фукидид описал и эти события – по порядку, как каждое из них происходило, по летам и зимам, вплоть до того, как лакедемоняне и их союзники положили конец афинской державе, захватив Длинные стены и Пирей. И до этого момента война в целом длилась двадцать семь лет» (V, 26, 1: γέγραφε δὲ καὶ ταῦτα ὁ αὐτὸς Φουκυδίδης Ἀθηναῖος ἐξῆς, ὡς ἕκαστα ἐγένετο, κατὰ θέρη καὶ χειμῶνας, μέχρι οὗ τὴν τε ἀρχὴν κατέπαυσαν τῶν Ἀθηναίων Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ξύμμαχοι, καὶ τὰ μακρὰ τεῖχη καὶ τὸν Πειραιᾶ κατέλαβον. ἔτη δὲ ἐς τοῦτο τὰ ξύμπαντα ἐγένετο τῷ πολέμῳ ἑπτὰ καὶ εἴκοσι). Несколько дальше Фукидид поясняет, что пережил всю войну, будучи в зрелом возрасте и всячески стремясь узнать истину относительно происходивших событий; при этом на протяжении двадцати лет он был изгнанником, а потому оказался не менее близок к делам пелопоннесцев, чем к делам афинян (V, 26, 5).

Употребление формы перфекта γέγραφε однозначно указывает на то, что автор рассматривает свое изложение событий вплоть до захвата Длинных стен и Пирея осуществленным, а не задуманным. Как же это может уживаться с общепринятым мнением? Я заметил три способа. Один – по возможности не упоминать и не обсуждать приведенную фразу. Второй – мимоходом

бросить, что Фукидид имеет в виду собранные им материалы и предварительные заметки, покрывающие все время войны (Hammond 1940, 146; Gomme, Andrewes, Dover 1970, 9); но пойти на столь явную подмену слов и понятий может пойти лишь тот, кто отчаялся найти что-либо более правдоподобное. Третий способ заключается в том, чтобы, признав очевидное значение слов Фукидида, объявить при этом, что автор пишет так, исходя из того, что завершит свой труд раньше, чем тот попадет в руки читателей (Fowler 1888, ad loc.; менее внятно Hornblower 2008, 45: “the perfect tense anticipates the completion of the whole work down to 404”). Такое предложение, в отличие от предыдущего, не является принципиально невозможным. Среди стольких тысяч пишущих людей, конечно же, найдутся такие, что объявят свой великий замысел осуществленным, когда он на деле реализован на неполных три четверти. Однако подобный сценарий едва ли приложим к человеку, демонстрирующему свою выдающуюся способность к многолетней кропотливой, методичной работе. Невозможно признать Фукидида фантазером, заявляющим, что он описал всю войну вплоть до ее драматичной развязки, когда он на деле к развязке еще даже и не приблизился. Не представить Фукидида и нервным романтиком, который в порыве разочарования сжег часть своего труда (на такую возможность полушутливо намекает У. Р. Коннор, который отчетливо видит, что *at face value* обсуждаемая фраза Фукидида должна быть понята как свидетельство о наличии чернового (по крайней мере) варианта труда, охватывающего всю войну – Connor 1984, 232).

Иногда можно встретить осторожную формулировку (Rhodes 2016, 2: «сохранившийся текст внезапно обрывается на осени 411 г.»), но мне известен лишь один ученый, настаивающий на том, что повествование Фукидида было доведено до конца войны. Это Лучано Канфора. По его версии, заключительная часть труда Фукидида в известном смысле сохранилась – в первых двух книгах «Греческой истории» Ксенофонта (точнее: I – II, 3, 10); то, что там сохранилось, Канфора определяет как черновики, среди которых отделанные части соседствуют с набросками (Canfora 2006, 21). Мы увидим, что, по крайней мере, идея об отражении в тексте Ксенофонта текста Фукидида не лишена резона. Однако Канфора не сумел выстроить сколь-либо правдоподобную историю о том, что, собственно, произошло. К тому же он осложнил свою позицию рядом сопутствующих догадок и доводов сомнительной ценности (cf. Hornblower 2008, 3: “eccentric essay by Canfora”). Наконец, версия, предложенная Канфорой, дает лишь улучшенный вариант толкования слов Фукидида («описал и эти события... вплоть до того, как лакедемоняне и их союзники положили конец афинской державе, захватив Длинные стены

и Пирей») в духе ссылки на подготовительные материалы. В этой версии подобное толкование перестает быть абсолютно невозможным, но все же остается искусственным, если согласиться с Канфорой, что текст I – II, 3, 10 «Греческой истории» имеет характер черновика; если же – нет, то не странно ли, что при описании последних лет войны рассказ Фукидида стал значительно более кратким? Нужно еще, разумеется, доказать, что этот текст гораздо более в стиле Фукидида, нежели Ксенофонта (о неоднозначности результатов такого рода попыток см. Gomme, Andrewes, Dover 1981, 437 – 444). В дальнейшем мы также увидим, что в изложении событий последних лет Пелопоннесской войны в «Греческой истории» обнаруживаются пропуски, очень странные для Фукидида и совершенно естественные с точки зрения, которая будет предложена в данной статье.

2

Если Фукидид описал войну до конца, то что стало с заключительной частью текста? Чтобы ответить на этот вопрос, надо задаться другим: что стало с самим Фукидидом? Сообщения о его смерти противоречивы, и все они происходят из поздних источников, наиболее авторитетными из которых являются Плутарх и Павсаний. Вот что говорит первый:

«Кимон, сын Мильтиада, родился от матери-фракиянки, Гегесипилы, дочери царя Олора, как это видно из посвященных ему стихов Архелая и Меланфия. Вот почему историк Фукидид, который приходился Кимону родственником, был также сыном Олора, носившего это имя в честь своего предка, и владел золотыми рудниками во Фракии. Скончался же Фукидид, как сообщают, в Скаптесиле (место это находится во Фракии), где он был убит (λέγεται φονευθεὶς ἐκεῖ). Останки были перевезены в Аттику, и гробницу его показывают в Кимоновой усыпальнице, рядом с могилой сестры Кимона Эльпиники» (Plut. Cim. 4, 1–2; пер. В. Петуховой).

Согласно Павсанию, Фукидид «был коварно убит (δόλοφονηθέντι), когда он возвращался в Афины» (Paus. I, 23, 9; имеется в виду возвращение из изгнания). В поверхностном сочинении о Фукидиде, дошедшим под именем некоего Маркеллина, читаем следующее:

«Дидим утверждает, что Фукидид умер насильственной смертью в Афинах по возвращении из изгнания. По его словам, то же самое говорит Зопир: афиняне, сообщает он, после поражения в Сицилии дали позволение всем изгнанникам, кроме Писистратидов, возвратиться в Афины. Фукидид, по прибытии туда, умер насильственной смертью и погребен среди Кимоновых гробниц. Дидим замечает, что он считает нелепым то мнение, по которому Фукидид умер в изгнании, хотя и погребен в Аттике; в таком случае, продолжает он, Фукидид не был бы похоронен подле родственных могил, или же, будучи похоронен тайком, не имел бы ни плиты, ни надписи, которая положена на могилу и указывает на имя

историка ... Что касается Зомира, то, по моему мнению, он говорит вздор, утверждая, будто Фукидид скончался во Фракии, хотя Кратипп и полагает, что Зомир прав ... Кончил он жизнь, как говорят, имея более 50 лет от роду, не доведши своего труда до положенного конца» (32 – 34; пер. С. Жебелева; Фукидид 1994: XXII – XXIII).

Если Зомир – фигура неизвестная, то Кратиппа Дионисий Галикарнасский называет «современником Фукидида, собравшем в своем сочинении то, что у того не представлено» (Dio. Hal. Thuc. 16: Κράτιππος ὁ συναχμάσας αὐτῷ καὶ τὰ παραλειφθέντα ὑπ' αὐτοῦ συναγαγὼν γέγραφε). Это не вполне ясное свидетельство, по-видимому, следует понимать так, что Кратипп описал последние годы Пелопоннесской войны (начиная с осени 411 г., на событиях которых обрывался опубликованный текст Фукидида). Свидетельством такого человека не следует пренебрегать. (У Маркеллина Кратипп вторит Зомиру, но легко представить, что при передаче информации из рук в руки плохо осведомленный автор мог превратить выражение вроде «с этим согласен и Кратипп» в «Кратипп соглашается с ним».)

В другом месте сочинения Маркеллина говорится, что «Фукидид умер после Пелопоннесской войны во Фракии, занятый составлением истории событий двадцать первого года войны, продолжавшейся в общем двадцать семь лет» (45; Фукидид 1994: XXVI). Еще дальше в этом же тексте (54) мы снова слышим, что Фукидид умер во Фракии и что спорят о том, там же он похоронен или в Афинах.

В анонимном жизнеописании Фукидида (9) утверждается, что по окончании восьмой книги историк умер от болезни (Фукидид 1994: XXXII).

Происхождение последней версии, расходящейся с основной (убийство), прозрачно: у Маркеллина (43) предположением о болезни Фукидида объясняется то, что «восьмая книга изложена слабее» других (Фукидид 1994: XXV–XXVI); отсюда и умозаключение, поскольку последующие книги, как считалось, вообще не были написаны (Dio. Hal. Thuc. 16; ad Romp. III), что Фукидид умер от болезни.

В случае с Дидимом (выше) мы тоже явным образом имеем дело с умозаключениями, а не альтернативной информацией: Дидим принимает традицию, согласно которой Фукидид был убит, но не хочет верить, что это произошло вне города, в котором находится погребение. Между тем Плутарх определенно говорит, что Фукидид погиб во Фракии; Кратипп цитируется в поддержку того же мнения; слова Павсания не исключают его. Версия, по которой Фукидид был умерщвлен в Афинах, вероятно, обусловлена не только наличием там захоронения (по мнению некоторых, знак на гробнице указывал как раз, что она пуста – Marcellin. 31), но и словами историка, что

он пробыл в изгнании двадцать лет: из них следовало, что он вернулся в Афины. Ясно, однако, что возвращение в Афины ничуть не мешало Фукидиду заново навестить свои владения во Фракии или же отправиться туда надолго.

Я буду исходить из того, что жизнь Фукидида оборвалась во Фракии в результате спланированного убийства.

3

Неужели убийство Фукидида и исчезновение завершающей части его труда не связаны между собой? Впрочем, все по порядку.

О социальном положении Фукидида мы знаем из его собственных слов: ему принадлежала разработка золотых приисков во Фракии напротив Фасоса, и он пользовался значением среди влиятельнейших людей этой области (V, 105). На наше общее счастье, человек, посвятивший себя тщательному сбору сведений о событиях, которые происходили на разных театрах многолетней войны, был одним из богатейших греков своего времени. Несомненно, эта работа дорого стоила, и все же у нас нет оснований думать, что она подорвала материальное благополучие историка. Но что такое в эпоху, не знакомую с огнестрельным оружием, насильственная смерть столь богатого и влиятельного человека? Это – убийство, организованное чрезвычайно могущественной силой.

Когда оно произошло? Попытки уточнить время смерти Фукидида на основании отсутствия в его тексте упоминаний тех или иных датированных событий оказались безуспешными: любые идеи относительно *termini ante quem* разбиваются о вполне правдоподобное допущение, что окончательное редактирование всего текста осуществлено не было; выдвигавшиеся предложения относительно *post quem* неубедительны.¹ Однако из приведенных выше сообщений следует вполне отчетливо, что смерть Фукидида должна

¹ В качестве *terminus post quem* неоднократно (ограничусь двумя примерами: Meyer 1899, 275, Anm. 1; Canfora 2006, 19) принималась смерть македонского царя Архелая (413–399) на основании следующих слов: «В то время число укреплений было невелико; только впоследствии сын Пердикки, Архелай, сделавшись царем, соорудил нынешние укрепления в Македонии, проложил прямые дороги, привел все в порядок, в особенности военное дело, улучшил конницу, вооружение и прочие военные приспособления. Он сделал больше, нежели все предшествовавшие ему восемь царей вместе» (Thuc. II, 100, 2: Фукидид 1994, 167). Понимание того, почему эти слова должны были появиться не ранее 399 г. и не могли быть написаны в 404 г., превосходит мои умственные способности. Я как раз думаю, что эти слова, не имеющие прямого отношения к повествованию о Пелопоннесской войне, были написаны при живом Архелее – в благодарность, например, за гостеприимство.

быть отнесена ко времени, более или менее, вплотную примыкающему к окончанию Пелопоннесской войны. Формулировка Павсания – «во время возвращения в Афины» (Paus. I, 23, 9) особенно отчетливо предполагает ситуацию вскоре после окончания войны (ее неясная составляющая – где собственно произошло убийство: в Афинах или по дороге в Афины, или при сборах домой? – является, вероятно, отражением компромисса между соперничающими версиями).

Слова самого Фукидида о том, что он был на протяжении двадцати лет в изгнании (*ξυνέβη μοι φεύγειν τὴν ἐμαυτοῦ ἔτη εἴκοσι μετὰ τὴν ἐς Ἀμφίπολιν στρατηγίαν* – V, 26, 5), едва ли могут означать не возвращение в Афины, но всего лишь официальное прекращение статуса изгнанника. И это тем более так, что его статус, похоже, изменился еще до того, как при капитуляции Афин в апреле 404 г. было дозволено вернуться всем изгнанникам. Дело в том, что слова Павсания об убийстве Фукидида предварены сообщением о том, что Энобию (человек с таким именем был одним из афинских стратегов в 410 г.) «удалось провести постановление о возвращении Фукидида в Афины» (*ψήφισμα γὰρ ἐνίκησεν Οἰνόβιος κατελθεῖν ἐς Ἀθήνας Θουκυδίδην*). Если этот декрет был принят, скажем, в последние два года войны, то легко представимо, что Фукидид не стал спешить с возвращением и приехал в город лишь после завершения осады Афин и учреждения нового правительства. Он был изгнан осенью 424 г., и если вернулся в начале лета 404 г., то провел в изгнании более девятнадцати с половиной лет – ровным счетом «двадцать».

Правительство Тридцати, установленное при поддержке спартанцев и лично Лисандра, было по составу социально близким Фукидиду, но жертвами этого правительства неоднократно становились богатейшие граждане, а между его лидерами шли жестокие распри вплоть до вынесения смертных приговоров. Платону это правительство не понравилось, хотя в его составе было два его близких родственника. Оно могло не понравиться и Фукидиду – например, потому, что он не был ни оголтелым врагом демократии, ни ревностным лаконофилом, ни поклонником партийного террора. Представимы и другие причины политического характера. В Афины не был возвращен самый видный из граждан – Алкивиад, к судьбе которого у нас еще будет повод обратиться; между тем неоднократно и не без основания высказывалось мнение, что Алкивиад служил источником ряда сведений для Фукидида и что это предполагает хорошие отношения между ними (Brunt 1952; Westlake 1985); так что и в этой связи у Фукидида могли сложиться не лучшие отношения с лидерами Тридцати. Для того чтобы Фукидид, побыв в родном городе, решил вновь посетить свои фракийские владения

или даже задержаться в них, могли быть и деловые причины, а также множество других, недоступных нашему воображению. Он должен был отплыть, не дожидаясь ноябрьской непогоды.

Таким образом, соединение указаний на то, что Фукидид вернулся в Афины после окончания войны, вскоре был умерщвлен, а произошло это во Фракии, побуждает отнести его убийство к осени 404 г.

Кто в это время был в греческом мире силой, способной организовать убийство столь значительного человека? Тут приходится выбирать лишь между спартанским правительством и самым влиятельным в нем, но державшемся обособленно человеком, каким был Лисандр – главный виновник поражения афинского флота и последующей капитуляции Афин.

4

Бесспорно, спартанское правительство и Лисандр сплошь и рядом действовали сообща. Так, они совместно организовали убийство Алкивиада, цель которого отчетливо вырисовывается при совмещении наиболее ранних интерпретаций события с версией, появившейся около полувека спустя.

Исократ в речи «Об упряжке», написанной в 397 или 396 г. для Алкивиада Младшего и восхваляющей Алкивиада Старшего, говорит, в частности, следующее: «Когда к власти пришли Тридцать, разве не был он изгнан из всей Эллады, в то время как другие должны были удалиться лишь из города? Разве не приложили Лисандр с лакедемонянами столько же усилий на то, чтобы убить его, сколько они затратили на сокрушение вашего могущества?» (Isoc. XVI, 40; пер. Э. Д. Фролова). Пару лет спустя Лисий в своей речи, направленной против того же персонажа, приписывает Алкивиаду, наоборот, всяческие зловерные действия по отношению к государству, включая предательство, приведшее к захвату Лисандром и спартанцами афинского флота при Эгоспотамах (Lys. XIV, 38). Характерно, что о смерти Алкивиада он молчит. Очевидно, участие спартанцев в ней не подвергалась сомнению, тогда как для Лисия было бы некстати говорить о гибели Алкивиада от руки тех, чьим агентом он якобы выступил.²

² Согласно Плутарху, инициатива устранения Алкивиада исходила от Тридцати и, в частности, Крития (Plut. Alc. 38). Чуть раньше, правда, Плутарх сообщает, что именно по предложению Крития Алкивиад был возвращен из своего первого изгнания (Plut. Alc. 33). И чем был опасен изгнанник правительству, опиравшемуся на размещенный в Акрополе спартанский гарнизон? Как бы то ни было, Лисандр не был человеком, готовым действовать по советам собственных ставленников; да и по словам Плутарха, Лисандр обратил внимание на призывы Крития не раньше, чем получил правительственное предписание отделаться от Алкивиада.

Диодор Сицилийский донес до нас особую версию событий, изложенную Эфором. Тот ставит умерщвление Алкивиада в связь с секретной подготовкой войны против персидского царя Артаксеркса, совместно осуществлявшейся младшим братом царя, Киrom, и спартанцами. Алкивиад сумел добыть какую-то солидную информацию относительно этих планов и просил у Фарнабаза, одного из персидских наместников в Малой Азии, обеспечить ему доступ к царю. Фарнабаз же решил самому выступить благодетелем Артаксеркса, воспользовавшись информацией, полученной от Алкивиада, а самого его устранив (Diod. XIV, 11, 1 – 4).

Мотивы, приписанные Фарнабазу (откуда они известны?), едва ли внушают доверие. Однако Фарнабаз выступает организатором убийства и у Плутарха, но поступает так по просьбе Лисандра (Plut. Alc. 39). И это не вызывает недоумений. Фарнабаз неоднократно выступал спартанским союзником, а в трио персидских наместников, управлявших западной Малой Азией, вечный соперник Фарнабаза Тиссаферн был явным врагом Кира. Участие Спарты в заговоре незаконного претендента на престол было авантюрой, ставшей возможной, надо думать, лишь в силу влияния в спартанском правительстве Лисандра, установившего тесные связи с Киrom еще в 407 г. Преждевременное обнаружение приготовлений грозило войной с персидской державой (неудачный поход претендента к ней, в конце концов, и привел). Однако в распоряжении Кира были неотразимые доводы – золотые монеты, щедро раздаваемые тем из спартанских начальников, кто понимал толк в смелой политике. (Лисандр, например, был помешан не на деньгах, а на властолюбии и тщеславии – золото было для него лишь инструментом.) Насколько в Спарте учитывали деликатность и рискованность замыслов, связанных с Киrom, показывает инсценировка объявления врагом отечества и изгнанником Клеарха – главного спартанского представителя в войске Кира во время знаменитого похода, описанного в «Анабасисе» Ксенофонта; мы бы, пожалуй, и не догадались, что опала была постановочной, если бы не сообщение Плутарха о полученном Клеархом предписании от спартанского правительства во всем содействовать Киру (Plut. Artax. 6; у Ксенофонта это обстоятельство не фигурирует).

Словом, в основе своей версия, представленная Эфором, выглядит совершенно правдоподобной: Алкивиад был убит с целью предотвратить разглашение приготовлений Кира и Спарты к походу против Артаксеркса. Более раннее, чем у Эфора, представление о намерении именно Лисандра и спартанцев убить Алкивиада в эту версию превосходно вписывается; последняя лишь раскрывает мотив. Недоверие к версии Эфора на том основании, что вряд ли спустя десятилетия могли взяться новые данные об убий-

стве, подробности которого не было резона афишировать (Perrin 1906, 30), не учитывает простое соображение, что спустя десятилетия у осведомленных людей могли исчезнуть причины хранить молчание.

Не связано ли убийство Фукидида с убийством Алкивиада? Я думаю, в Спарте сочили бы странным охотиться на всякого, кто мог что-то слышать от Алкивиада. До персидского царя еще нужно было добраться. И его нужно было убедить – рискуя поплатиться собственной головой. Алкивиад был хорошо известен и как человек, обладавший редким даром убеждения, и как неугомонный политик, который, оказавшись не у дел и даже в опасном положении, мог запросто решиться на поездку к персидскому царю; ждать и опасаться такого шага от кого-либо другого вряд ли приходилось. В любом случае такое представление о гибели Фукидида не объясняет уничтожения значительной части его сочинения. Можно, правда, допустить, что тот, кто об этом позаботился, воспользовался опасениями относительно осведомленности Фукидида, чтобы оправдать свои действия в глазах спартанского правительства. Речь идет о Лисандре.

5

Зачем Лисандру понадобилось уничтожать заключительные части труда Фукидида, а вместе с ними самого автора? Что за дискредитирующая информация могла там содержаться?

Могущество Лисандра в 404 г. было беспрецедентным. Он обеспечил финансирование спартанского флота, наладив прочные отношения с Киром, он блестящим маневром захватил корабли афинян, что предопределило окончание войны; при этом он не был удачливым выскочкой – напротив, он был на первых ролях уже несколько лет, начиная с 407 г. Никто не смел бросить тень на триумфатора. Однако к концу лета ситуация выглядела несколько иначе, чем весной. В Афинах стоял спартанский гарнизон и дела направляло дружественное правительство Тридцати – Афины более не представляли опасности; Кир для осуществления своих планов нуждался в поддержке спартанского правительства и не мог рассчитывать только на Лисандра. Наконец, нужно было контролировать множество «союзников», перешедших к Спарте от поверженной Афинской державы. Отовсюду из новых союзных городов раздавались жалобы на правящие клики, поставленные у власти Лисандром. В Спарте не было дела до страданий вчерашних сторонников афинской демократии, но сама необходимость вникать в обстоятельства новых союзников должна была открыть правительству глаза. Спартанские власти начали понимать, что имеют дело с человеком, планирующим и отчасти уже осуществляющим государственный переворот. Конечно же, якобы найденная Агесилаем в доме павшего в очередной войне

Лисандра, но из высших соображений оставшаяся необнародованной рукопись с рассуждением о необходимости лишить власти обе царские династии и выбирать царя из лучших граждан (Plut. Lys. 30) – фальшивка, не более искусная, чем фабрикация двумя поколениями раньше документов, изобличивших Павсания и Фемистокла в сотрудничестве с персами. Меньше ясности с сообщениями о планах Лисандра использовать оракулы и чудеса для изменения спартанского строя (Plut. Lys. 25–26; Diod. XIV, 13). Однако непроверяемые слухи о планах Лисандра можно оставить в стороне – достаточно посмотреть на то, что им было сделано.

Реальный переворот шел путем создания в городах клиентел, зависимых не столько от Спарты, сколько лично от Лисандра. Это началось еще в 407 г. (Plut. Lys. 5; Diod. XIII, 70, 4), возобновилось в 405 г. (Plut. Lys. 8; cf. Diod. XIII, 104, 5), продолжилось в 404 г. (Xen. Hell. II, 3, 7). В указанных местах наши источники говорят о событиях в Эфесе, Милете и Самосе соответственно, но мы слышим о том, что это стало системой. В 405 г. Кир передал Лисандру в управление все зависимые от него города в Малой Азии (Diod. XIII, 104, 4; Xen. Hell. II, 1, 13 – 14), а в следующем году, после поражения Афин, система насаждения Лисандром по десяти правителей в каждом городе приобрела универсальный характер (Nep. Lys. 1; Diod. XIV, 13, 1; согласно Диодору, Лисандр действовал с одобрения спартанских эфоров). Предоставим слово Плутарху. Вот что мы слышим о раннем этапе:

«Созвав в Эфес представителей от городов, которых он считал наиболее разумными и отважными среди сограждан, Лисандр впервые внушил им мысль о перевороте и создании власти десяти которая впоследствии и установилась при его содействии. Он убеждал этих людей объединиться в тайные общества и внимательно наблюдать за состоянием государственных дел, обещая одновременно с крушением Афин уничтожить демократию и дать им неограниченную власть в родном городе. Его дела внушали доверие к этим обещаниям: и прежде он возводил своих друзей и гостеприимцев на высокие и почетные должности, поручал им командование войсками, ради их выгоды становился соучастником их несправедливых и ошибочных действий. Взоры всех были устремлены на него, все угождали ему и выражали глубокую преданность, рассчитывая, что под его начальством они достигнут всего, даже того, что кажется недостижимым» (Plut. Lys. 5; пер. М. Е. Сергеенко).

А это – о зрелом этапе (после победы при Эгоспотамах):

«Уничтожая демократию и другие законные формы правления, Лисандр повсюду оставлял по одному гармосту из лакедемонян и по десять правителей из членов тайных обществ, организованных им по городам. Так он действовал без различия во вражеских и в союзнических городах, исподволь подготавливая себе в известном смысле господство над Грецией (τρόπον τινὰ κατασκευαζόμενος ἑαυτῷ

τὴν τῆς Ἑλλάδος ἡγεμονίαν). Правителей он назначал не по знатности или богатству: члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства, были ему ближе всего, и он предоставлял им неограниченное право награждать и карать. Он лично присутствовал при многих казнях и участвовал в изгнании врагов своих друзей» (Plut. Lys. 13; пер. М. Е. Сергеенко с незначительными изменениями).

В пору многомесячной осады Афин и вскоре после нее:

«Лисандр вместе со своим флотом отбыл обратно в Азию. Во всех городах без исключения он уничтожил законный государственный строй, поставил правительства из десяти человек и в каждом городе многих граждан казнил, а многих заставил бежать. Самосцев он изгнал всех, а город передал бывшим изгнанникам. Отняв у афинян Сест, он не разрешил его жителям остаться в городе, а отдал его вместе с землей кормчим и начальникам гребцов, служившим под его начальством. Это был первый его поступок, который в Лакедемоне отказались одобрить, и жители Сеста были возвращены обратно» (Plut. Lys. 14; пер. М. Е. Сергеенко).

Могущественные люди в Спарте, повторю, забеспокоились – не из заботы о репутации государства, а из заботы о собственном положении. Речь шла о том, кто окажется сильнее – традиционные институты власти и прежде всего цари (с их сторонниками) или Лисандр (со своими протеже). Борьба с Лисандром была заведомо трудной. При его заслугах и популярности обвинения, выдвигаемые против него, должны были выглядеть в высшей степени убедительными. Где и как можно было заполучить сведения, изобличающие Лисандра в том, что он действовал не в государственных интересах, а – в своих, направленных в перспективе против государства? Объезжая города, где у власти находились ставленники Лисандра? А между тем, как нетрудно представить, ширилась молва о труде одного уважаемого и не враждебного Спарте афинянина, который много лет посвятил скрупулезному сбору материала, относящегося ко всему, что было связано с недавно завершившейся войной, используя свои огромные деньги и связи. Дельные люди, которым довелось прочитать или услышать отдельные части составленного им сочинения, свидетельствовали, что оно замечательное и, когда будет завершено, – можно надеяться в скором будущем, – принесет автору великую славу. К несчастью для Фукидида и его будущих читателей, Лисандр гораздо ближе стоял к делам афинян, чем спартанские цари – правительство Тридцати было приведено к власти при его участии. Он, надо думать, раньше царей узнал от своих афинских друзей о работе Фукидида и об опасности, проистекающей для него из собранных там материалов. При их публикации в сочинении, которому было гарантировано внимательное и

уважительное отношение, для Лисандра речь могла пойти не просто о затруднениях на пути к дальнейшему возвышению, но и о привлечении к суду и полном карьерном крахе.

6

Лисандр отправился во Фракию. О его экспедиции известно чрезвычайно мало – очевидно, она не была продолжительной и важной в военно-политическом отношении. Однако время ее устанавливается с большей определенностью, чем принято думать. Плутарх отправляет туда Лисандра после того, как в Афинах разместился спартанский гарнизон и Лисандр в целом обустроил тамошние дела (Plut. Lys. 15 – 16). В рассказе Ксенофонта фракийская экспедиция Лисандра не упоминается, но в нем содержатся хронологические подробности относительно предшествовавших ей событий. После приведения к власти правительства Тридцати в Афинах Лисандр с флотом отправляется против Самоса (II, 3, 3; это островное государство было последним очагом сопротивления). Приведя самосцев к покорности, Лисандр поплыл в Лакедемон – торжественно, с внушительными военными трофеями и значительными денежными средствами: все это он передал эфорам в «конце лета» (II, 3, 9). Между тем Тридцать послали к Лисандру своих представителей с просьбой обеспечить присылку спартанского гарнизона, обещая содержать его на свой счет; «Лисандр исполнил их просьбу и исходатайствовал для Афин гарнизон и гармоста Каллибия» (II, 3, 13–14; пер. С. Я. Лурье). Поскольку Плутарх описывает сцену в Афинах, в которой присутствуют и Каллибий, в качестве начальника гарнизона, и Лисандр, можно думать, что Лисандр заново прибыл в Афины, прежде чем отправиться во Фракию. Ничего не изменится и в том случае, если считать эту сцену историческим анекдотом. Плутарх лишь мельком и вне четкого порядка событий упоминает экспедицию Лисандра на Самос и вовсе не говорит о его триумфальном возвращении домой в качестве победителя в войне; и поэтому в структуре его повествования экспедиция во Фракию в любом случае оказывается пунктом, следующим за размещением в Афинах спартанского гарнизона. Из Ксенофонта же мы узнаем, что это могло произойти только осенью. Мы не поддадимся риторике блестящего, но избыточно самоуверенного историка, каким был Карл Юлиус Белох, когда он пытается внушить нам, что «для установления хронологии показания Плутарха не имеют никакой цены» (Белох 1899: 98 – 99, прим. 5). Показания Плутарха подкрепляются сообщениями Полиэна и Корнелия Непота о пребывании Лисандра на Фасосе, близ фракийского побережья (Pol. I, 45, 4; Nep. Lys. 2). Здесь Лисандр измыслил в свойственном ему духе коварную ловушку сторонникам Афин, а затем устроил их массовое избиение. Такие действия яв-

но предполагают ситуацию «замирения», инерцию многолетней вооруженной борьбы – то есть 404 г., а не последующие годы. Другие исследователи пришли к той же датировке фракийской экспедиции Лисандра, осенью 404 г., своим путем (Andrewes 1971: 217). В связи с пребыванием Лисандра на Фасосе вспомним еще, что этот остров находился всего в полудне плавания от той области на территории Фракии, где находились золотые прииски, разработка которых принадлежала Фукидиду (Thuc. IV, 104, 4 – 105, 1).

7

Насколько положение Лисандра было в какой-то момент небезопасным, можно судить по тому, что один из его офицеров был казнен, а сам он вскоре после фракийской экспедиции счел за благо на время отправиться в Ливию к оракулу Аммона (Plut. Lys. 20; Paus. III, 18, 3). Затем оно выправилось. В итоге Лисандр избежал официального обвинения в подготовке государственного переворота, но от системы клиентел ему пришлось отказаться. «Цари сообразили, что он господствует над всей Грецией, с помощью тайных обществ держа в своих руках города, и стали действовать так, чтобы вернуть к власти сторонников народа, а друзей Лисандра изгнать. Опять произошли перевороты, и прежде всего афиняне из Филы напали на Тридцать и одолели их» (Plut. Lys. 21). В случае с восстанием в Аттике Лисандр поначалу добился, чтобы спартанские власти послали Тридцати деньги на военные расходы, а его в качестве военачальника. Однако «цари, завидуя Лисандру и боясь, как бы он не взял Афины, постановили, что один из них выступит в поход. Выступил Павсаний, будто бы на помощь тираннам против народа, а на деле стремясь закончить войну, чтобы Лисандр с помощью своих друзей опять не стал господином Афин» (Plut. Lys. 21; сходно Xen. Hell. II, 4, 29). В Афинах демократия была восстановлена. Мы не знаем подробностей о других городах, но в 396 г. декархии были чем-то, что существовало «во времена Лисандра» (Xen. Hell. III, 4, 7). Самому Лисандру удалось в 400 или 399 г. сделать одним из спартанских царей Агесилая – в обход законного наследника. Ставленник, впрочем, быстро эмансипировался, а после гибели Лисандра у стен беотийского Галиарта Агесилай надолго занял положение безусловного вождя спартанского государства.

Но что стало с рукописью Фукидида? Лисандр уничтожил в ней все, что его серьезно компрометировало, но прочее сохранил: он не хотел предать безвозвратному забвению сочинение, которое в своей заключительной части описывало его триумф. («Лисандр постоянно держал при себе поэта Херрила, который своим поэтическим искусством должен был украшать его деяния. Когда Антилох написал о нем несколько заурядных стихов, он так обрадовался, что отдал ему свою шляпу, насыпав ее доверху серебром» –

Plut. Lys. 18.) Труд афинского историка он хранил дома. Лисандр погиб весной 395 г., а осенью следующего года в его дом явился вернувшийся из Азии царь Агесилай. Целью визита было обнаружение в бумагах покойного свидетельств о планировавшемся государственном перевороте; об этой фальшивке было сказано выше. Но наряду с подброшенной рукописью, нашли ту, что там действительно хранилась, – исторический труд Фукидида. Агесилай передал ее способному писателю, своему боевому товарищу и протезе, афинскому изгнаннику Ксенофону.

8

Сказанное в предыдущем параграфе вовсе не полет разыгравшегося воображения. Как тотчас станет ясно – это строгая интерпретация наличных свидетельств и доступных фактов. Вот что мы читаем о Ксенофоне у Диогена Лаэртского: «Говорят, что он издал остававшиеся неизвестными книги Фукидида, хотя мог их присвоить себе» (D.L. II, 57: λέγεται δ' ὅτι καὶ τὰ Φουκιδίδου βιβλία λαμβάνοντα ὑφελέσθαι δυνάμενος αὐτὸς εἰς δόξαν ἤγαγεν). Это свидетельство настолько неожиданно и специфично, настолько непохоже на общие места и анекдоты, что я не вижу ни малейшего основания сомневаться в его достоверности. За исключением одного нюанса. Умозаключение «мог их присвоить себе» происходит из какого-то сочинения, прославляющего Ксенофонта, и не кажется убедительным. Мы можем не вдаваться в споры о том, публиковал ли Фукидид вскоре после 421 г. свое описание десятилетней войны (наш текст в таком случае несколько отличается от первоначального – в II, 65, 13 указан исход всей войны), публиковал ли он отдельно свое мастерское повествование о сицилийской экспедиции. В любом случае, как уже отмечалось выше, в Афинах и за пределами их было немало людей, кто знал о работе Фукидида, читал или слышал отдельные ее части. Присвоить себе весь его труд означало бы обречь себя на бесчестие. Но как бы мы ни толковали ремарку, призванную подчеркнуть благородство Ксенофонта, свидетельство предполагает ситуацию его монопольного доступа к τὰ Φουκιδίδου βιβλία λαμβάνοντα.

Само это выражение не вполне прозрачное. Верно, что высказывание уточняющего характера – «те книги Фукидида, что оставались неизвестными» – требовало бы на хорошем греческом другой формулировки (Gomme, Andrewes, Dover 1981, 437). Вместе с тем странно подобным выражением обозначать весь труд целиком, все составляющие его книги. Какой-то важный смысловой оттенок мог потеряться при передаче от одного автора к другому. Все же такое слово, как λαμβάνοντα («скрытые от глаз») подразумевает, как мне кажется, скорее ситуацию, когда книги были, да пропали, и никто теперь не знает, где же они, нежели ту, что они были попросту неиз-

вестны (да и невозможно представить, чтобы о работе Фукидида, шедшей с начала войны, было бы ничего не известно). Если так, то это хорошо подходит к реконструируемому здесь сценарию.

Судить о благородстве или неблагородстве Ксенофонта непросто. Когда читаешь его сократические сочинения, то он по сравнению с Платоном выглядит простоватым. Но это в философских материях. Что касается политических, достаточно внимательно прочитать в «Анабасисе» эпизод, в котором Клеарх справляется с кризисом в собственном войске, чтобы понять, какую школу в этих вещах прошел образованный афинянин на службе у Кира и спартанцев. Давно замечено, что тенденциозность «Греческой истории» выражается не в вымысле или отрицании того, что было, а в тонком искажении масштаба и значения тех или иных событий, а также в умолчаниях. И порой молчание Ксенофонта весьма выразительно. Так, он ни словом не обмолвился о гибели Алкивиада – самого знаменитого из всех современных ему соотечественников.

О чем Ксенофонт молчит и о чем не молчит, повествуя о тех событиях, изложение которых Фукидидом привело, как здесь предполагается, к гибели историка? Нас прежде всего должно интересовать то, что относится к Лисандру. Ксенофонт, конечно же, не обходит вниманием его заслуги, но заметим – он не выпячивает их. Образцовым спартанцем в I книге «Греческой истории» представлен погибший в 406 г. Калликратид – а он в ссоре с Лисандром (Хеп. Hell. I, 6). Это, в сущности, неудивительно. Ксенофонт был историографом и панегиристом Агесилая. Того сделал царем Лисандр, но Агесилаю хватило нескольких лет, чтобы эмансипироваться от Лисандра; публично унизив его, Агесилай то ли добровольно, то ли по необходимости все же сохранил за Лисандром важные позиции. После смерти Лисандра Агесилай «изобличил» того в вынашивании замыслов заговора, однако изобличение осталось достоянием узкого круга лиц. В логике Ксенофонтовой историографии Лисандр должен был выглядеть хорошо как исторически важный представитель Спарты, но не слишком хорошо как отдельно взятый спартанец.

Если мы теперь обратимся к тому, что не сообщается о Лисандре в «Греческой истории», то этим оказывается не что иное, как учреждение им в 407 и 405 гг. клиентел в городах Малой Азии. Здесь ни слова именно о той деятельности Лисандра, которая спартанскому правительству казалась подозрительной или даже преступной, которая считалась возведением фундамента для личного могущества в ущерб интересам государства, информацию о которой Лисандр был всячески заинтересован по возможности ограничить и скрыть.

Ксенофону, историку-изгнаннику, чье благополучие зависело от Агесилая, не было резона скрывать свидетельства антигосударственной линии Лисандра, доказательство которой Агесилай «обнаружил» в доме покойного. И в самом деле, Ксенофонт дважды упоминает о декархиях, учрежденных Лисандром – один раз в связи с покорением Самоса летом 404 г. (Хен. Нелл. II, 3, 7), другой раз – в порядке краткого замечания ретроспективного толка (Хен. Нелл. III, 4, 7). Возникающий парадокс разрешается просто: отмеченные нами умолчания относятся к той части «Греческой истории», которая является обработкой рукописи Фукидида, откуда все сообщения об учреждении Лисандром клиентел в 407 и 405 г. были удалены уже до того, как она попала в руки Ксенофонта. Характерно, что декархия на Самосе была учреждена уже после окончания Пелопоннесской войны, а потому упоминание о ней, присутствующее в «Греческой истории», в труд Фукидида не входило.

Мысль о том, что первые две книги «Греческой истории» в значительной мере выстроены на материалах, собранных Фукидидом, высказывалась неоднократно. Мы видим, что в целом эта догадка подтверждается, и перед дальнейшим – другим и трудным – исследованием встает задача вычлнить Фукидидово наследие с относительной надежностью.

Но нужно ли, признавая в Ксенофонте издателя труда Фукидида, постулировать длинную детективную историю с похищением рукописи и многолетним хранением ее в Спарте? С. А. Жебелев, один из немногих ученых, с доверием отнесшийся к сообщению Диогена Лаэртского, представлял себе дело иначе. В предвоенной России он воображал следующую ситуацию: «Мы не можем не обратить внимание на то, что в 399 г. Ксенофонт был во Фракии – это факт несомненный. Если отдать предпочтение той версии предания о смерти Фукидида, по которой она последовала во Фракии, то очень соблазнительным представлялось бы предположение, что Ксенофонт, во время своего пребывания во Фракии, посетил местожительства Фукидида, взял там оставшийся после смерти Фукидида без призора его труд и затем позаботился об издании его в свет» (Жебелев 1914, 230). В наши дни все это видится несколько иначе. С учетом всех высказанных выше соображений, а также с учетом того, как атмосфера затяжной войны влияет на нравы (это первым показал нам сам Фукидид), предложенный здесь сценарий представляется, к сожалению, более правдоподобным. В самом деле, версия Жебелева совершенно не объясняет то, с чего мы начали: как вышло, что опубликованный Ксенофонтом текст – и таким этот текст видели уже древние – обрывается на описании 21-го года войны, тогда как автор заявляет, что он описал события всех двадцати семи? Жебелев ключевую фразу не

обсуждает – ни в цитированной статье, ни в своем весьма ценном предисловии к изданию русского перевода Фукидида.

Между тем наш сценарий находит еще одно – правда, косвенное – подтверждение. С одной стороны, Жебелев вполне основательно усматривает раннее – и, по-видимому, самое раннее – литературное отражение знакомства с трудом Фукидида во фрагменте сократического диалога Эсхина «Алкивиад», датируя его вслед за Генрихом Диттмаром 394/3 – 391/0 гг. (Жебелев 1914, 222 – 226). Диттмар в своей датировке исходит из правдоподобного представления о том, что диалог Эсхина явился полемическим ответом на сочинение софиста Поликрата, направленное против Сократа (Dittmar 1912, 158 – 159). Уточним лишь, что П. Тревес, автор статьи о Поликрате в RE, решительно датирует это сочинение 393/2 г. (Treves 1952, 1740–1743). С другой стороны, в недавней работе мной было указано на полемику с Фукидидом в раннем диалоге Платона «Лахет». Этот диалог был датирован мной – не слишком настойчиво – периодом между 399 и 395 г. Основанием для нижней даты послужило следующее: «Лахет восхваляет спартанские боевые приемы и принципы (182 e – 183 a). Хотя Платону не вовсе чуждо лаконофильство, демонстрировать его в условиях новой войны со Спартой, начавшейся в 395 и продолжавшейся по 387 г., было бы бестактным – особенно устами Лахета, который, хотя и сыграл важную роль в заключении перемирия и мира со спартанцами, в конце 420-х, но в конце концов был убит ими в сражении при Мантинее» (Панченко 2018, 22, прим. 5). Теперь, однако, я склонен признать, что политические симпатии и антипатии действовали на Платона сильнее, чем неоднозначное чувство такта. В новую войну со Спартой афинян вовлекли фиванцы. Насколько в эти годы Платон был настроен антифивански, можно заключить по тому, что в диалоге «Менон» он влагает в уста Сократу циркулировавшие слухи о подкупе персами фиванского политика Исмения, хотя Сократ умер за несколько лет до предполагаемого подкупа (Plat. Men. 90 a; cf. Xen. Hell. III, 5, 1). «Лахет» – диалог, не вовсе лишенный патриотических настроений. Хотя главное в нем – прославление Сократа, но Сократ прославляется, в частности, за стойкость, проявленную в одном из проигранных афинянами сражений Пелопоннесской войны. Но стоит обратить внимание, что речь идет о поражении, понесенном в Беотии, – от фиванцев, а не спартанцев. Поздним летом 394 г. афиняне вновь были биты на полях Беотии – в ожесточенной битве при Коронее, но на сей раз они выступали союзниками фиванцев и были разбиты спартанским войском под командованием Агесилая (Ксенофонт, прибывший с войском Агесилая из Азии, стал как участником, так и историографом этого сражения – Xen. Ages. II, 9; Plut. Ages. 18; Xen. Hell. IV, 3, 10 – 21). В этом контексте

восхваление Лахетом военного искусства спартанцев приобретает особый смысл: это намек на то, что афиняне сделали неправильный выбор в отношении врага и союзника. И все же кое-что от идеи относительно такта следует оставить: восхвалять боевые навыки людей, которые в любой момент могут появиться с войском у города в качестве врагов, – все-таки бестактно. Рассуждать о ложном выборе союзника уместно лишь в ситуации относительной безопасности. Она вернулась к Афинам летом 393 г., когда в достаточной мере были восстановлены Длинные стены, соединявшие город с Пиреем (дата следует из сопоставления Xen. Hell. IV, 3, 10 – 11 с Xen. Hell. IV, 8, 1 – 10). Соответственно 393/2 г. оказывается *terminus post quem* и для «Лахета», и для «Алкивиада» Эсхина – двух самых ранних сочинений, в которых слышны отголоски чтения Фукидида.³ И это год спустя после того, как Агесилай, в соответствии с нашим рассуждением, передал Ксенофону рукопись сочинения Фукидида.

Единственное обстоятельство, которое, хотя и не вступает в противоречие с предложенным здесь сценарием, но все же вписывается в него не самым гладким образом, заключается в том, что наш текст Фукидида обрывается на событиях, происходивших за три года до появления Лисандра на театре военных действий в Малой Азии. Однако у Лисандра должна была быть какая-то карьера, прежде чем он был назначен адмиралом флота. О ней мы не слышим ровным счетом ничего, хотя в нашем распоряжении его жизнеописание, созданное ученым Плутархом. Может быть, в его ранней карьере тоже было нечто такое, что казалось уместным скрыть и что мог знать столь упорный в сборе сведений историк, находившийся, по его собственным словам, столь же близко к делам пелопоннесцев, как и к делам афинян. И должны ли мы ожидать аккуратности и щепетильности в обращении с рукописью Фукидида от людей, замысливших и осуществивших его убийство с целью остановить распространение сведений, в этой рукописи содержащихся?

9

Суммируем то, что нам удалось установить. Фукидид не предавался фантазиям, заявляя, что описал всю войну вплоть до капитуляции Афин. В целом его труд был завершен; оставалось что-то исправить, уточнить, дополнить, украсить. Во время своего пребывания в Афинах, куда он вернулся в

³ Для читателя Фукидида, не посвященного в рассказанную здесь историю, его труд обрывается загадочным образом на словах: «Прежде всего он прибыл в Эфес и принес там жертву Артемиде». Я думаю теперь, что именно этот образец *non finito* послужил моделью для концовки квази-исторического повествования в платоновском «Критии»; тридцать лет назад я не догадался об этом (Панченко 1990, 173–176).

начале лета 404 г. после почти двадцатилетнего изгнания, Фукидид знакомил друзей и желающих с отдельными частями своего сочинения. Возможно, описания первых десяти лет войны, а также сицилийской экспедиции уже публиковались им в более ранних, чем наш текст, редакциях. О труде Фукидида шла молва. Внимание друзей и ставленников Лисандра привлекло наличие в нем обстоятельных сведений об учреждении в греческих городах политических клиентел, находящихся в зависимости гораздо больше от Лисандра, чем от спартанского государства. Цари и прочие лица в спартанском руководстве, оттесненные Лисандром на второй план, рассматривали эти действия Лисандра как основу для постепенно осуществляемого им государственного переворота. Авторитетные сведения об учреждаемых Лисандром клиентелах могли представлять для его карьеры огромную опасность. Между тем Фукидид по каким-то причинам вернулся на время в свои фракийские владения. Лисандр направился туда же. Осенью 404 г. Фукидид был убит, а рукопись его сочинения похищена. Из нее было удалено все, что всерьез компрометировало Лисандра; остальное было сохранено и отвезено в Спарту. Весной 395 г. Лисандр погиб под стенами Галиарта. Осенью 394 г. царь Агесилай, вернувшийся в Спарту из Азии, произвел обыск в доме Лисандра с целью обнаружения материалов, изобличающих того в подготовке государственного переворота. Наряду с подброшенной фальшивкой были обнаружены и книги истории Фукидида. Удостоверившись, что в них не содержится ничего, принципиально вредного для спартанской политики, Агесилай передал рукопись Ксенофону – офицеру своей армии, афинскому изгнаннику и толковому писателю, который в своем рассказе о походе Кира и отступлении Десяти тысяч, хоть и не удержался от выпячивания своей роли, зато ни словом не обмолвился о том, что Клеарх, находясь на службе у Кира, выполнял поручение спартанского правительства. Вскоре труд Фукидида увидел свет. Не поврежденную часть рукописи Ксенофонт опубликовал, какой она была, не редактируя ее. Материалы поврежденной части составили основу первых двух книг «Греческой истории». Были ли эти книги с самого начала представлены как сочинение Ксенофонта – остается неясным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белох, Ю. (1899) *История Греции*. Т. II. Пер. М. Гершензона. Москва: Солдатенков.
 Жебелев, С. А. (1914) «Когда и кем издана история Фукидида?», *Сборник в честь проф. В. П. Бузескула*. Харьков: Харьковский университет, 222–232.
 Панченко, Д. В. (1990) *Платон и Атлантида*. Ленинград: Наука.

- Панченко, Д. В. (2018) «Война, философия, интертекстуальность: об одной внешне незначительной фразе из раннего Платона», *Новое литературное обозрение*, 153, 19–30.
- Фукидид (1994) *История*. Т. I – II. Санкт-Петербург: София (воспроизведение издания: Фукидид. *История*. Т. I – II. Пер. Ф. Мищенко в переработке, с примечаниями и вступительной статьей С. Жебелева. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1915).
- Andrewes, A. (1971) “Two Notes on Lysander,” *Phoenix*, 25, 3, 206–226.
- Brunt, P. A. (1952) “Thucydides and Alcibiades,” *Revue des études grecques*, 65, 304/305, 59–96.
- Canfora, L. (2006) “Biographical Obscurities and Problems of Composition,” Rengakos, A., Tsakmakis, A. (eds). *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden: Brill, 3–32.
- Connor, W. R. (1984) Review of Gomme, A. W., Andrewes, A., Dover, K. J. *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. V. Oxford, 1981, *Classical Philology*, 79.3, 230–235.
- Dittmar, H. (1912) *Aischines von Sphettos*. Berlin: Weidmann.
- Fowler, H. N. (1888) *Commentary on Thucydides Book 5*. Boston: Ginn and Company.
- Gomme, A. W., Andrewes, A., Dover, K. J. (1970) *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. IV. Oxford: Clarendon.
- Gomme, A. W., Andrewes, A., Dover, K. J. (1981) *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. V. Oxford: Clarendon.
- Hammond, N. G. L. (1940) “The Composition of Thucydides' History,” *The Classical Quarterly* 34, 3/4, 146–152.
- Hornblower, S. (1991) *A Commentary on Thucydides*. Vol. I. Oxford: Oxford University Press.
- Hornblower, S. (2008) *A Commentary on Thucydides*. Vol. III. Oxford: Oxford University Press.
- Meyer, Ed. (1899) *Forschungen zur alten Geschichte*. Bd. II. Halle: Niemeyer.
- Perrin, B. (1906) “The Death of Alcibiades,” *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 37, 25–37.
- Rhodes, P. J. (2016) *Thucydides: A Possession for all Time*. Strasbourg: University of Strasbourg.
- Treves, P. (1952) “Polykrates,” *RE*, XXI, 1736–1752.
- Westlake, H. D. (1985) “The Influence of Alcibiades on Thucydides, Book 8,” *Mnemosyne* 38, 1/2, 93–108.